

Оба одновременно пришли к одному и тому же решению — тянуть за собой другого. Ян Фэй шипел ругательства под нос и крался в сторону спальни, ступая почти бесшумно.

Звук шёл именно оттуда.

И Даньдань тем временем метнулся к телефону и открыл WeChat, быстро настукивая сообщение Жун Чэньцзюню.

«Жун-жун, в дом залез вор! Похоже, это твой братец-паразит! Скорее звони в полицию!»

Сообщение ушло — и ровно через две секунды пришёл ответ: «Ты в порядке? Немедленно прячься!»

Даньдань не сдвинулся с места: «Не волнуйся, я же невидимый — он меня не видит».

У Жун Чэньцзюня сердце едва не выскочило из горла. Бросив переписку, он бросился к парковке — на ходу набирая полицию.

Вызов сделан — машина рванула домой, как стрела.

В душе klokотали запоздалые раскаяние и злость на самого себя. Проглядел. Этот мусор додумался — прийти грабить прямо домой. Если с Даньданем что-то случится, он себе не простит до конца жизни!

«Жун Чэньцзюнь, ну и болван же ты!»

Ругая себя на чём свет стоит, он жал педаль газа так, словно под капотом у него был реактивный двигатель.

Ян Фэй с размаху распахнул дверь спальни, молоток занесён над головой — и обнаружил, что комната пуста.

Не поверил. Обшарил все углы, заглянул под кровать. Снова ничего.

Выскочил обратно. Теперь не до обысков — бежать, и немедленно. Дистанционное наблюдение. Попался на удочку.

Он заставлял себя не думать об ударах по голове — упрямо твердил, что где-то в квартире спрятан микрофон и говорит там какой-то незнакомец.

Но разве И Даньдань мог вот так запросто дать ему уйти? Высыпал на его голову все припасённые протухшие яйца, метнулся к его карману — и по одному извлёк оттуда всё, что тот успел стащить у Жун Чэньцзюня.

Ян Фэй увидел это собственными глазами.

Часы, запонки, кольца — всё его дорогостоящие трофеи — сами собой выплывали из кармана и зависали в воздухе...

— А-а-а-а!! Призрак!! Помогите!!

От ужаса он рухнул на пол — и то ли сработали протухшие яйца Даньдани, то ли просто не повезло — ровно туда, где лежал брошенный молоток.

Молоток придавил гаечный ключ. Удар — ключ подбросило, и он со всего маху обрушился прямо Ян Фэю на голову.

Тот закатил глаза и отключился.

Полиция прибыла раньше Жун Чэньцзюня. Трое-четверо офицеров обнаружили взломанную дверь и распростёртое на полу тело — живое или мёртвое, непонятно.

Голова у лежащего была в крови. Рядом, словно в небрежном натюрморте, разбросаны предметы класса люкс. Один из полицейских узнал две марки.

Patek Philippe, Rolex...

На глаз — часы на несколько миллионов. Поличного — хоть отбавляй.

Когда Жун Чэньцзюнь добрался домой, Ян Фэй уже увезли в больницу — двое офицеров его сопровождали, двое остались дожидаться хозяина квартиры.

Предъявив паспорт и документы на собственность, Жун Чэньцзюнь коротко изложил суть произошедшего. Офицеры потребовали, чтобы он прибыл в отделение для дачи показаний — опознать взломщика или нет.

Жун Чэньцзюнь ответил, что ему нужно дождаться мастера по замкам — оставить квартиру незащищённой он не может.

Полицейский похлопал его по плечу с пониманием. Сказал, что вечером тоже подойдёт.

Проводив офицеров, Жун Чэньцзюнь почувствовал, как из него разом вышли все силы.

Посмотрел на пятна крови — сердце ещё колотилось. С трудом собравшись, подпёр взломанную дверь обувным шкафом.

— Малыш, выходи. Я вернулся. Всё кончено.

Квартира молчала — как могила. Как каждый вечер прежде: тихая, пустая, пугающая своей холодной безмолвностью.

С тех пор, как они сблизились, впервые, вернувшись домой, он не услышал этого привычного:

«Жун-жун, ты вернулся?»

Тревога сдавила грудь. Он был как натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент.

Но едва успел позвать — тут же получил ответ.

Мягкий, тягучий голосок донёсся из глубины квартиры:

— Жун-жун, ты наконец-то вернулся.

С дивана в воздух поднялась крошечная тёмная точка — и стремительно понеслась к нему, ныряя прямо в ладони.

Жун Чэньцзюнь поймал его. Большой ладонью бережно укутал крохотное тельце, оставив снаружи лишь маленькую головку.

Разница в размерах была огромной. В его ладони от яичного духа торчали только голова да две ручонки — малыш держался ими за пальцы, иначе упал бы. Жун Чэньцзюнь не смел сжимать.

— Жун-жун. — Крошечный яичный дух прижался щекой к его руке. — Братец-паразит опять приходил. Воровал твои вещи.

Сердце Жун Чэньцзюня ещё не успело успокоиться, а новая волна — острый, запоздалый ужас — уже накрыла его с головой. Хорошо, что Даньдань цел. Хорошо...

— Маленький глупыш. — В голосе нежность вперемешку со страхом: — Ты почему не спрятался? Пусть бы воровал что хотел — а если бы он тебя заметил? Если бы причинил тебе вред?

И Даньдань вздёрнул подбородок с видом оскорблённой гордости:

— Ничего он бы мне не сделал. Он простой человек — меня в жизни не обнаружит.

Жун Чэньцзюнь помолчал. Поднял малыша до уровня глаз и через долгую паузу тихо произнёс:

— А если всё же?

Даньдань не нашёлся что ответить. Маленькая крупица гордости на его мордашке медленно таяла, уступая место виноватому виду.

— Я понял, Жун-жун. Если снова такое случится — буду прятаться.

Жун Чэньцзюнь и правда напугался. И злился. По-настоящему.

Ян Фэй — просто наглец без страха и совести. Додумался воровать. И как он вообще попал внутрь? Лифт только по карточке, которые есть лишь у охраны и управляющего. Карточку управляющего он специально оставил у вахтёра на случай, если забудет свою. И строго-настрого предупредил — Ян Фэй не пускать. Почему вахтёр его пропустил?

Не придумав ответа, он оставил этот вопрос. Бережно сжимая малыша в ладони, прошёл в кабинет проверить записи с камер.

— Жун-жун, а это что? — спросил И Даньдань, впервые оказавшись в этой комнате.

— Камера видеонаблюдения. — Жун Чэньцзюнь поставил его на стол. — Именно с её помощью я тебя и обнаружил.

— А-а-а! — Даньдань изумлённо ахнул.

Он-то всё это время был уверен, что просто недостаточно осторожничал и сам попался на глаза Жун Чэньцзюню. Надо же — оказывается, у него дома стоит камера наблюдения!

Жун Чэньцзюнь улыбнулся его удивлённой мордашке.

— Вот именно, малыш. Порой одной магии мало. Современные технологии способны на такое,

что тебе и не снилось. Представь: тебя заметят, наглухо закроют окна, пустят усыпляющий газ — или просто принесут электрическую мухобойку. Даже невидимый, ты всё равно в опасности. Больше никакой беспечности, понял?

Даньдань растерянно кивнул — и только сейчас, с запозданием, по-настоящему испугался. Задним числом в душе поселилась лёгкая тревога.

Впрочем, с этим обществом он знаком мало. Телевизор он смотрел много, Жун Чэньцзюнь многому его учил — и всё же страха перед миром технологий у него было не так уж много. Испугался, да. Но окажись он в той же ситуации снова — почти наверняка поступил бы точно так же.

— Понял, Жун-жун, — в очередной раз заверил маленький яичный дух. — Больше не буду действовать сгоряча.

— Вот и умница. — Жун Чэньцзюнь потрепал его по макушке.

Записи он просмотрел внимательно — каждый шаг Ян Фэя от самого порога зафиксирован.

Камеру Жун Чэньцзюнь установил именно на случай воров. Вор, правда, попался не тот — вместо него в объектив угодил маленький яичный дух.

Но после этого камеру он так и не выключил. И вот — пригодилась.

Смотрел запись и внутри холодело: судя по движениям Ян Фэя, малыш находился прямо у него за спиной. Не умеет малыш становиться невидимым — тот бы его непременно заметил.

Жун Чэньцзюнь быстро вырезал нужные фрагменты: вот Ян Фэй тащит вещи, вот выбегает из спальни и начинает вести себя как сумасшедший — а вот падает, и от удара молотком гаечный ключ подлетает и бьёт его по голове.

Поскольку малыш всё время был невидим, протухшие яйца на записи тоже не видны. Со стороны выглядело так, словно Ян Фэй сам себя довёл до такого состояния.

Смонтировав видео, Жун Чэньцзюнь сбросил его на телефон. Порылся в визитнице, нашёл номер слесаря и вызвал его.

Время близилось к пяти. Скоро ехать давать показания, а малыш всё это время будет сидеть в кармане — как бы не проголодался. Жун Чэньцзюнь отправился на кухню.

Приготовил что-то несложное: рис, два блюда. Оба поели досыта — слесарь прибыл как раз к этому времени.

Ещё полчаса — и замок был сменён.

Расплатившись и проводив мастера, Жун Чэньцзюнь позвал малыша:

— Малыш, в карман — едем в полицию.

Даньдань юркнул в карман, высунул голову наружу и держался двумя ручонками за край — такой послушный, что прямо сердце сжималось.

Жун Чэньцзюнь было хотел ещё раз поговорить с ним по душам — чтобы вёл себя осторожно, чтобы не был таким безрассудным. Но стоило взглянуть на эту послушную мордочку — и все слова куда-то исчезли.

Мысленно обозвал себя идиотом, которого умилили наповал, покачал головой и вышел из дома.

В полицейском участке Ян Фэй уже очнулся — его доставили из больницы прямо сюда.

Поначалу орал на весь коридор: твердил, что в доме Жун Чэньцзюня водятся призраки, и категорически отказывался давать показания.

— Это дом моего брата! Я не крал — я брал! Он сам разрешил!

Полицейские окинули его взглядом — мешки под глазами, развязная манера держаться — и особого доверия к нему не почувствовали. Тем более что кто-то из сотрудников узнал Жун Чэньцзюня и прекрасно знал, какие у него отношения с приёмной семьёй. Поверить в «братское разрешение» было решительно невозможно.

— Если не кража — почему взломал замок?

На перевязанном лбу Ян Фэя красовалась бинтовая повязка, наглость так и лезла наружу:

— Дом брата — хочу, так и войду.

Это уже было за всякими рамками. Офицер перешёл на служебный тон:

— Вы знаете, что забрать чужую вещь без разрешения хозяина — это кража? Сумма похищенного значительная, проникновение со взломом и с оружием. В случае возбуждения дела — от трёх до десяти лет лишения свободы.

До Ян Фэя наконец-то дошло. Он бросил школу рано — для закона был, в сущности, полным невеждой. Орал одно и то же:

— Это дом брата — как это кража?!

Офицер уже собирался объяснить разницу между претензиями потерпевшего и его отказом от таковых, когда у Ян Фэя вдруг загорелись глаза — он наконец вспомнил о родителях, которых едва не списал со счетов.

— Хочу позвонить отцу и матери!

— Не беспокойтесь — после того как потерпевший явится и всё прояснится, мы в течение трёх дней уведомим вашу семью.

Его данные успели записать ещё когда он только пришёл в себя.

Услышав это, Ян Фэй почувствовал, как страх обволакивает его изнутри. Жун Чэньцзюнь его не вытащит — это он понимал чётко. Слишком хорошо знал, как тот ненавидит всю их семью. Добиться чего-то можно было бы, только если родители успеют добраться до компании и устроить скандал раньше времени. Напрямую умолять Жун Чэньцзюня — без толку.

Но полицейские говорят: сначала потерпевший, потом три дня. Три дня!

Он пропал.

Чем больше Ян Фэй об этом думал, тем сильнее его охватывало отчаяние. Раньше он тусовался с приятелями — гулял, пил, жил без оглядки. Беспутно — да, но противозаконно никогда не делал, в полицию не попадал. Здесь же — впервые за решёткой, и страх съедал остатки рассудка.

А тут ещё и целый день без дозы. Ломка накатила беспощадно.

Потекли слёзы, потёк нос, зевота раздирала рот. Он таял на глазах.

Несколько офицеров переглянулись. Только что держался — и вдруг на глазах рассыпался.

Они были не наркополицейскими — участковые. Что-то странное замечали, но с наркотиками

это пока не связывали.

До тех пор, пока Ян Фэй не взорвался:

— Дайте мне! Дайте, слышите?! Белый порошок — дайте!!

Тут всё стало ясно.

Его немедленно зафиксировали и увели на тест.

Жун Чэньцзюнь прибыл как раз тогда, когда результаты были готовы.

Один из офицеров спросил имя — и провёл его в кабинет.

— Ваше имя.

— Жун Чэньцзюнь.

— Номер телефона.

— 159××××4088.

— Удостоверение личности, пожалуйста.

Жун Чэньцзюнь передал паспорт:

— Где Ян Фэй?

Оформлявший его офицер — молодой, с прямой спиной — был одним из тех, кто его узнал. К Жун Чэньцзюню, молодому дизайнеру с именем, он относился уважительно. Голос у него был ровный, без резкости:

— Он подозревается в употреблении наркотиков. Задержан и проходит проверку. Увидеть его пока невозможно.

Жун Чэньцзюнь внутренне вострепнулся. Нужно предупредить Чэнь Цзюня — лишь бы это не сломало ему всю операцию.

— По словам Ян Фэя, он ваш брат и войти в квартиру у него было ваше разрешение. Это так?

— Нет. Я ничего такого не разрешал. И он мне не брат. — Пауза. — Он сын людей, которые когда-то были моими приёмными родителями.

Всё понятно. Офицер спросил: будет ли он добиваться официального расследования или предпочтёт решить всё в частном порядке?

Жун Чэньцзюнь ответил без колебаний:

— Тот, кто сегодня решается взломать замок и украсть, завтра способен и на большее. Это слишком серьёзно, чтобы закрывать глаза. Я не намерен покрывать его только потому, что мы когда-то жили под одной крышей. Прошу вести дело в установленном порядке.

Офицер едва заметно улыбнулся. Нетрудно было догадаться, что Жун Чэньцзюнь не испытывает к этой семье ровно никакой привязанности. Но его позиция — честная и принципиальная — вызвала уважение.

После нескольких дополнительных вопросов о похищенном имуществе Жун Чэньцзюнь предъявил запись с камер.

— Я установил её дома именно на случай воров. Здесь всё — каждый шаг Ян Фэя с момента, как он переступил порог.

Офицер взял телефон и просмотрел запись. Поскольку звука не было, поведение Ян Фэя выглядело совершенно необъяснимым — просто человек без видимых причин вдруг начинает метаться и в итоге сам себя укладывает на пол. Получив согласие Жун Чэньцзюня, офицер перенёс видео на компьютер.

«Похоже, небеса тоже не на его стороне», — мелькнула у него мысль.

Жун Чэньцзюня отпустили — ждать результатов расследования.

Выйдя из участка, он отъехал чуть подальше и позвонил Чэнь Цзюню. Изложил суть произошедшего.

— Понял. — Тот выругался сквозь зубы. — Буду корректировать план. Ты пока поосторожнее — выходи с охраной, на всякий случай.

И сразу повесил трубку.

Жун Чэньцзюнь понимал: теперь, когда всплыл факт употребления наркотиков, полиция начнёт отрабатывать источник. А значит — насторожат тех, за кем следят. Сделка может сорваться, и впредь они станут куда осторожнее. Добыть улики будет значительно сложнее.

Лучший выход сейчас — если Чэнь Цзюнь выйдет на полицию раньше, замнёт арест Ян Фэя и заставит ту сторону думать, что тот просто сбежал. Тогда ещё можно продолжить.

Но всё это — не его забота. Его дело — ждать.

Насчёт охраны — он брать её не собирался. С малышом рядом появление телохранителя только привлечёт ненужное внимание.

Впрочем, охранника брать не обязательно. Достаточно монстра — который заодно присмотрит за малышом.

Жун Чэньцзюнь набрал Цзи Цзина.

Тот услышал слово «телохранитель» — и тут же оживился. Выдал с барского плеча:

— Без вопросов. Десять миллионов — и я твой.

Жун Чэньцзюнь молча нажал сброс. Что за телохранитель — десять миллионов просит.

Телефон тут же зазвонил снова.

Малыш, восседавший на рычаге коробки передач, возмущённо надулся:

— Жун-жун, не бери трубку. Этот гадкий петушиный дух — ужасный тип. — Помолчал и добавил: — Я сам буду твоим телохранителем. И мне не нужны никакие десять миллионов — только чтобы Жун-жун готовил мне еду.

Жун Чэньцзюнь рассмеялся — искренне, уголки лисьих глаз пошли морщинками.

— Это я должен быть твоим телохранителем, не ты моим. — Он щёлкнул малыша по макушке. И трубку, разумеется, не взял.

На крыше машины некий большой невидимый демон мысленно произнёс: «Я здесь. Кто посмеет сунуться?»

Цзю Цзинь очень хотел произнести это вслух. Хотел сказать, что защитит его. Но так и не решился. Трус, каких мало.

Когда-то давно он полюбил одну женщину. Когда они сошлись, он открылся ей — признался, что он девятихвостая лиса. Предложил вместе пройти испытание в Ассоциации монстров, заключить договор и разделить с ней долгую жизнь.

Но не каждый человек способен принять монстра в своё сердце без оговорок. Девушка по имени Минь-эр ненавидела любых пушистых существ и не хотела бессмертия — мечтала прожить короткую, но яркую жизнь. Узнав, кто он такой, без лишних слов предложила расстаться.

Он не знал тогда, что она беременна. Несколько попыток удержать её ни к чему не привели — и он отпустил. Разочарованный, опустошённый, ушёл в затворничество и проспал до сегодняшнего дня.

И вот — узнал, что у него есть взрослый сын. Радость и растерянность накатили одновременно. Показаться он не решался — только наблюдал за Жун Чэньцзюнем, тихонько, издалека.

Раз за разом уговаривал себя выйти — и каждый раз пасовал.

Через Ассоциацию монстров он узнал о горьком детстве и нелёгком пути сына. Первым порывом было — взять меч и вырезать всю ту семейку под корень, разнести их на куски. Племянник Ао Лин едва остановил его — сказал, что Жун Чэньцзюнь наверняка захочет разобраться с этим сам, и вмешательство отца вряд ли придётся ему по душе.

И ещё — он никогда не был отцом. Радость была, но и растерянность тоже. Решил: сначала узнать сына поближе, разобраться, как вообще быть отцом. А потом уже появиться перед ним.

Вот только чем дольше он откладывал, тем страшнее становилось решиться.

Жун Чэньцзюнь об этих метаниях не подозревал — он намеренно не давал себе думать об этом.

Вернувшись домой, они не успели толком отдышаться — явился Цзи Цзинь.

— Господин Жун! Жун-гэ! Миллион! Дай мне миллион — и я твой телохранитель, высший класс, первый сорт!

Едва войдя, он огласил это на весь дом.

Жун Чэньцзюнь посмотрел на скривившегося малыша и усмехнулся:

— Не нужно.

Цзи Цзин не сдавался — упускать возможность заработать было выше его сил:

— Тогда сто тысяч! Сто тысяч — вполне рыночная цена, ты ничего не теряешь. У меня три тысячи лет практики — защитить тебя раз плюнуть. По сравнению с твоим маленьким яичным духом — и сравнивать нечего.

Как только он задел малыша, Жун Чэньцзюнь отрезал окончательно:

— За такие слова не дам даже сотни.

Цзи Цзин опешил. Повернулся к крохотной фигурке на плече Жун Чэньцзюня:

— Даньдань! Скажи сам — разве я не прав?

Даньдань смерил его взглядом, отвернулся и обхватил руками шею Жун Чэньцзюня:

— Пусть ты и сильнее меня — но ты ненадёжный. Жун-жун в твоей защите не нуждается. Его защищаю я.

Цзи Цзин не отступал:

— Раз твой Жун-жун вообще заговорил об охраннике — значит, опасность есть. Ты уверен, что справишься сам?

Даньдань замолчал. Уверенности не было — этого не отрицать.

Снова накрыло привычное — горькое ощущение собственного бессилия. Даже защитить Жун Чэньцзюня он не в состоянии.

Жун Чэньцзюнь заметил, как потемнело личико малыша, — и сердце сжалось. Поспешил утешить:

— Не переживай, малыш. Телохранитель — это просто на всякий случай. Там особой опасности нет. Просто сегодняшнее меня напугало — вдруг снова что-то похожее случится. А так — и без

охраны обойдётся.

Жун Чэньцзюнь говорил правду — в охраннике не было особой нужды. Просто осторожность. Но сегодняшнее и правда встряхнуло. Если бы малыш не был монстром, если бы не умел становиться невидимым — при возвращении домой они с Ян Фэем столкнулись бы нос к носу.

Чего от подобного типа ждать — Жун Чэньцзюнь мог угадать не задумываясь.

За себя он не беспокоился. Он беспокоился о малыше. Уже решил: отныне — куда бы ни шёл — берёт его с собой.

Но и это не давало полной уверенности. Страх за малыша не унимался. Он понимал — это уже паранойя, вряд ли вору с грабителями будут попадаться ему каждый день. И всё же ничего не мог с собой поделаться.

Решение уже созрело: если малыш против Цзи Цзина — попросить того найти другого монстра. Рядом обязательно должен быть кто-то, способный защитить малыша.

Даньдань услышал его слова, но легче не стало. Раз Жун Чэньцзюнь заговорил об охраннике — значит, он всё же нужен. А малыш этому мешает, несмотря на то что сам защитить его не может. Как же это эгоистично.

Подумав немного, он поднял голову — и на мордашке нарисовалось самое жалостливое выражение, на которое он был способен.

— Цзи-дядюшка, ну стань ты телохранителем Жун-жуна! Совсем без денег, хорошо? Вы же с ним друзья. Да и мы с тобой — почти одной крови. Как у тебя рука поднимается брать с нас деньги?

В голосе задрожали слёзы.

Жун Чэньцзюнь едва удержался от смеха. Этот маленький актёршка с каждым днём набирает форму.

Цзи Цзин тоже немного засомневался в реальности происходящего:

— Хорошо, что ты не вылупился тогда. А то был бы натуральный маленький петух. Ты откуда такой прижимистый? Это ж надо — жаднее меня.

Жун Чэньцзюнь на этот раз не удержался — засмеялся вслух.

Даньдань с самым невозмутимым видом ответил:

— Даньдань — мальчик. Если бы в своё время не стал яичным духом, а просто вылупился — тоже был бы мальчиком. А мальчик из яйца — это же маленький петушок, разве нет?

Жун Чэньцзюнь мысленно представил себе петушонка размером с большой палец...

Нет. Это невыносимо мило. Что с этим делать?!

Раз малыш смягчился, он воспользовался моментом:

— Цзи-сяньшэн, как насчёт такого варианта? Десять тысяч в месяц — охраняете нас с Даньданем, пока я не начну практиковаться. Только после работы — в рабочее время не нужно.

Цзи Цзин прикинул: его рабочие часы примерно совпадают с часами Жун Чэньцзюня. После работы — значит, десять тысяч дополнительных в месяц. И кормить тут умеют отменно — глядишь, ещё и поужинать удастся.

Выгодно. Очень выгодно.

Глаза загорелись:

— Договорились, босс! Что прикажете, то и сделаю.

Жун Чэньцзюнь, раз тот уже перешёл на «босса», тоже не стал тянуть:

— Как продвигается поиск лечебных трав?

Цзи Цзин достал из сумки-хранилища целую кучу снадобий и разложил на столе:

— Пока только это. Из обычных недостаёт снежной травы и цветка чистой души — их активно используют, а сейчас не сезон, запасов ни у кого нет. Раньше мая не получится.

Жун Чэньцзюнь подсчитал. Сейчас февраль — три месяца ждать.

— А редкие? Травы трансформации духа, демоническая орхидея, солнечная ганодерма?

Цзи Цзин покачал головой:

— Ни слуху ни духу. Травы трансформации тысячу лет как вымерли — где её теперь искать. Орхидея и ганодерма тоже исчезли пять тысяч лет назад. Если уж искать — надо идти к тем большим монстрам, что в затворничестве дремлют.

Жун Чэньцзюнь вздохнул. Куда ни крути — придётся иметь дело с Ассоциацией монстров.

На потолке белая фигура сохраняла полное хладнокровие — внешне. Внутри же шла тихая работа мысли.

Травы трансформации у него самого были. Но орхидеи и ганодермы — нет, он и не слышал, чтобы они у кого-то сохранились.

Всё это время он наблюдал: у сына, похоже, не было ничего особенно дорогого. Единственное, что ему важно — этот крохотный монстр рядом.

Если найти эти травы и преподнести их сыну — может, тот согласится его признать?

Решение созрело мгновенно. Он беззвучно исчез.

Жун Чэньцзюнь тем временем ломал голову — стоит ли самому идти к ним или лучше подождать. Даньданю не становилось лучше, тянуть было страшно — как бы не навредить ещё больше.

Ладно. Они сами не приходят — значит, особо не беспокоятся о своей «крови». Не хотят — он пойдёт сам.

Ради Даньдани — плевать на гордость.

Жизнь отдал бы, не то что гордость.

Приняв решение, он повернулся к малышу на плече:

— Малыш, давай сначала примешь эти травы.

Даньдань слетел вниз и встал перед огромной горой снадобий, занимавшей добрую половину стола. Тяжёлый запах концентрированной духовной энергии плыл над ней. Даньдань растерялся.

— Жун-жун, они такие большие. Как мне это есть?

Жун Чэньцзюнь посмотрел — и точно. Малыш ростом с большой палец, а рядом с этими травами выглядел как лилипут в лесу.

Цзи Цзин наблюдал с нескрываемым удовольствием:

— Как-как — как обычно ешь. В сыром виде — так сила лучше сохраняется.

Даньдань состроил кислую мину и в отчаянии уставился на гору снадобий. Это ему до какого года есть?

Жун Чэньцзюнь снова почувствовал знакомое — сердце сжалось при виде этой мордашки.

Повернулся к Цзи Цзину:

— Цзи-сяньшэн, а нельзя переработать в пилюли?

Тот принял серьёзный вид — с Жун Чэньцзюнем он всегда держал себя в рамках.

— Босс, я понимаю, жалко. Но у нас, монстров, всё иначе, чем у людей-практикующих. Мы сами поглощаем силу трав и выводим примеси. Люди так не могут — отсюда и пилюли, но при их варке теряется прорва энергии. Если Даньдань съест всё это как есть — корневая структура восстановится процентов на тридцать. Если переработать в пилюли — двадцать. Невыгодно.

Жун Чэньцзюнь подумал:

— А можно двойную порцию трав — и получить те же тридцать процентов?

— Теоретически — да. Но смысл?

Жун Чэньцзюнь уже открыл рот — но Даньдань его опередил:

— Жун-жун, пилюли мне не нужны.

Малыш хотел сэкономить Жун Чэньцзюню деньги, но знал, что тот не согласится. Мозг заработал быстро:

— Цзи-дядюшка же сказал, что в травах есть примеси. В пилюлях примесей нет. Если я буду есть травы напрямую — примеси превратятся в протухшие яйца. А мои яйца я сегодня все израсходовал. Совсем не осталось.

Жун Чэньцзюнь знал: единственное оружие малыша — протухшие яйца. Добываются они нелегко — раз в месяц, в полнолуние. Все накопленные штуки достались Ян Фэю в полном составе. Без оружия малышу будет ещё неуютнее.

— Ладно, тогда ешь так. Извини, малыш.

Цзи Цзин скривил губы — с тихой завистью. Столько снадобий — другие монстры и мечтать не могут, а этому яичному духу ещё и жалеют их давать. Бедняжка.

Что за невероятное везение. Прошлая жизнь наверняка была потрачена на спасение мира — откуда иначе такой хозяин?

Кстати, о везении — он сам недавно наконец-то избавился от полосы неудач. А когда этот маленький яйцеподобный каждый день будет есть травы и накапливать протухшие яйца — их ведь снова станет хоть отбавляй.

Лучше держаться подальше. Ещё раз огрести — клиенты разбегутся. Оно ему надо?

Вслух он произнёс другое:

— Не пугайте себя заранее. Трава — не еда. Насытиться ею нельзя. Маленький яичный дух будет есть и сразу поглощать — перенасыщения не будет. Если есть без остановки дней пятнадцать — и то управится.

Жун Чэньцзюнь представил, как малыш без передышки жуёт пятнадцать дней, — и содрогнулся. Это не лечение, это самоистязание.

— Малыш, по половинке в день. Никакой спешки.

Маленький яичный дух кивнул. Да, он торопился стать сильнее — но не хотел, чтобы Жун Чэньцзюнь беспокоился.

Раз Жун-жун сказал — значит, так и будет.

Поговорили ещё немного. Время было уже позднее — Жун Чэньцзюнь решил, что с травами начнут завтра.

Привёл гостевую комнату в порядок, уложил Цзи Цзина спать.

А сам с утра планировал переезд. Вахтёр, пропустивший Ян Фэя, ему не простился — завтра пусть ассистент Тан разбирается.

Жить здесь он больше не будет — слишком ненадёжно. Переехал сюда из-за близости к офису, только и всего.

Самое безопасное место — вилла в Юньдуяне.

Цзи Цзин провёл первую ночь здесь с ощущением себя трёхкиловаттной лампочкой в тёмной комнате.

Эти двое были просто невозможны. На каждом шагу — поцелуи. И это ещё при том, что они совершенно разного размера!

Будь они одного роста — что тогда? Каждый день с ума сходить?

Цзи Цзин считал себя — с полным основанием — бойцом экстра-класса, с гаремом позади. И даже он никогда не позволял себе такого бесстыдства.

Смотри, опять целуются.

Глаза горят!

— Малыш, дай я проверю — хорошо ли умылся.

— Мг! У Жун-жуна щёчки такие гладкие! Ни одной поры, только пушок длинный~

— Это потому что малыш маленький — оттого пушок и кажется длинным. Малыш, может, попробуешь этот крем? Один друг подарил... хороший, мне нравится.

— Давай-давай! Ой! Жун-жун, много выдавил! В ладошки не помещается!

— Давай на мою руку.

— Жун-жун, как вкусно пахнет — лучше всех прежних.

Цзи Цзин наблюдал, как два нарцисса полчаса копошились перед зеркалом — что-то мазали, растирали, и конца этому не было видно. Непонятно, как два самца могут возиться с этим так серьёзно. Не выдержал:

— Ну поторопитесь, в туалет надо — уже не могу!

— Не можешь — прямо в штаны. Вы же, куры, где попало гадите, не стесняетесь?

Лицо Цзи Цзина позеленело от злости:

— Я кур-монстр! Не курица!!

— Ну и что? Прообраз-то всё равно курица?

Цзи Цзин оборвал спор и в мгновение ока растворился в воздухе — ещё минута, и правда бы опозорился.

Мчался на максимальной скорости. Вернулся через пятнадцать минут.

Но и этого оказалось мало: войдя, он застал их всё в том же занятии — уже мазали не лицо, а тело. Жун Чэньцзюнь на его появление отреагировал мгновенно — захлопнул дверь.

— Да ладно вам! Понял, уход — это святое. Но хватит с лица, зачем ещё и тело?

— А что, от ухода за телом мужчины теряют шанс найти девушку?

— Без одежды вы оба белее и нежнее любой девушки — она от зависти умрёт.

— Я девушку не ищу. Даньдань тоже не ищет — он ещё маленький.

— Не девушку — тогда парня. Вы оба, похоже, больше по пассивной части.

Жун Чэньцзюнь холодно хмыкнул:

— Если так плохо видишь — выколи себе оба глаза. Атаку от защиты не можешь отличить — на что такие глаза вообще?

— Жун-жун, а что значит «атака» и «защита»?

— Взрослые разговоры — не для маленьких ушей.

Цзи Цзин всё понял окончательно: Жун Чэньцзюнь — явно предпочитает мужчин.

Когда оба вышли, он задал последний вопрос:

— Вы что, каждый вечер так?

Оба в один голос:

— Конечно.

Даньдань удивлённо посмотрел на Цзи Цзина:

— А ты что, вообще за собой не ухаживаешь? Как ты тогда спать-то ложишься?

Маленький дух жил с Жун Чэньцзюнем с самого превращения — перенял всю его любовь к чистоте и самовлюблённость. Вечерний уход стал для него такой же необходимостью, как дышать.

Цзи Цзин почувствовал, что они с этими двоими из параллельных вселенных. Закатил глаза, вяло умылся в ванной и отправился спать.

Жун Чэньцзюнь с малышом тоже разошлись по комнатам.

На следующее утро Цзи Цзин сначала отвёз Жун Чэньцзюня в офис — убедился, что тот вошёл внутрь, — и только тогда отправился в свою мастерскую.

Жун Чэньцзюнь провёл насыщенный день, а ближе к вечеру его снова вызвали в участок для нескольких уточнений. Там же попросили пока никому не сообщать о задержании Ян Фэя.

Жун Чэньцзюнь понял: Чэнь Цзюнь уже переговорил с полицией. Пока этот торговец наркотиками не пойман — о судьбе Ян Фэя никто ничего не скажет.

Можно выдохнуть. Взяв малыша, он вернулся в офис.

После работы Цзи Цзин, как условились, подъехал за ними. Втроём заехали на рынок за продуктами, вернулись в квартиру — собрали личные вещи Жун Чэньцзюня и всё имущество малыша, и тронулись к вилле в Юньдуяне.

Ещё днём ассистент Тан перевёз гардероб, украшения и рабочие материалы из кабинета — и заодно разобрался с вахтёром в управляющей компании.

За такую грубую халатность увольнение было неизбежно. Жун Чэньцзюнь не стал добиваться большего — просто уходил из этой квартиры и не собирался возвращаться. Иначе тому

пришлось бы куда хуже.

Остальные дела по квартире оставались за Тан Баобао — нужно было только захватить вещи малыша.

В вилле уже всё было обставлено и готово к жизни. Обустроившись, Жун Чэньцзюнь приготовил ужин — четыре блюда и суп. Смели всё.

После ужина Цзи Цзин занялся наставлениями для малыша насчёт трав — тараторил без остановки:

— Маленький яичный дух, начнём вот с этой — звёздная трава. Мягче всего действует. Нельзя с самого начала браться за мощные снадобья — тело не выдержит. Кусай побольше, что ты жуёшь как барышня...

— Цзи Цзин, — перебил Жун Чэньцзюнь, — помолчи. Пусть малыш сосредоточится.

Цзи Цзин изобразил, как застёгивает рот на замок.

Малыш — крохотный, с чайную ложечку ростом — старательно откусывал от листика. Ему понадобилось немало времени, чтобы одолеть крошечный кусочек. Но тут же почувствовал: по телу разлилось тепло — мягкое, обволакивающее, точно погрузился в тёплую воду. Блаженно.

Это окончательно убедило его в правоте Цзи Цзина — с его основой и правда что-то не так. Раньше он верил лишь наполовину — подозревал, что тот придумал повод для заработка.

Теперь все сомнения исчезли. Есть принялся с удвоенным усердием — «ням-ням-ням», откусывал большими кусками, так что щёки раздулись. Почти не жевал — просто глотал.

Его «большой кусок» в глазах Жун Чэньцзюня и Цзи Цзина равнялся примерно пятой части ногтя мизинца. Меньше некуда.

Оба смотрели — и оба незаметно для себя расплылись в улыбке. Тёплой, совершенно беспомощной.

Глаза сияли. Два подозрительных взрослых типа.

Впрочем, Жун Чэньцзюнь был уверен: кто хоть раз видел, как ест Даньдань, — равнодушным не остаётся.

Вот он сидит на столе, поджав ножки — сам ниже этих трав, — изо всех сил вырывает листик,

держит его обеими ручками и самозабвенно жуёт. Подавился — берёт крохотную изящную чашечку, делает глоточек. Снова ест.

Такое не вынести. Это выше человеческих сил.

Поев немного и поглощая силу трав, он вдруг почувствовал пристальные взгляды. Поднял голову — два взрослых балбеса смотрели на него с блаженными улыбками.

— Смотлите... чего... — пробормотал он с набитым ртом.

Жун Чэньцзюнь...

Жун Чэньцзюнь был сражён наповал!!

Цзи Цзин невольно выдохнул:

— Быть милым — это настоящий талант...

<http://bllate.org/book/18224/1751880>